

Т.С. Минасян
СКВОЗЬ СТЕКЛО

12+

Татьяна Сергеевна Минасян

Сквозь стекло

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64242502

SelfPub; 2021

Аннотация

Он землянин, она – с другой планеты. Они – идеально подходят друг к другу, им хорошо друг с другом, из них получилась бы прекрасная пара... если бы не одно препятствие, не дающее им даже прикоснуться друг к другу...

Татьяна Минаян

Сквозь стекло

Как же долго иногда тянется рабочий день! Уже все новости в Сети прочитал, над всеми свежими анекдотами похихикал, три уровня в «Радугу» успешно прошел, два раза перекуры устраивал, обедать ходил, а до конца смены все равно еще куча времени. Хоть бы ЧП какое-нибудь (маленькое, разумеется, так сказать, «ручное», и чтобы никто во время него не пострадал) произошло!

Ханс оторвался от компьютера и перевел скучающий взгляд на одну из стен его кабинета, сделанную из прозрачного, но слегка затемненного материала, который он по привычке называл стеклом. За ней, в таком же, как у него, небольшом помещении, сосредоточенно уставившись в свой монитор, сидела Вьенна. Уж она-то точно не скучает – даже в самые спокойные дни умудряется найти себе важное и полезное занятие. Впрочем, вполне возможно, что сейчас она тоже играет в «Радугу» или еще в какую-нибудь, более интеллектуальную земную игру.

Словно почувствовав взгляд Ханса, Вьенна подняла глаза и лукаво подмигнула ему. Лица жителей Спики были абсолютно неприспособленны к улыбкам. Зато подмигивать спикианцы научились без всяких проблем, и им это, похоже,

даже нравилось. Вьенну Ханс учил подмигивать сам. Этот веселый и одновременно ласковый жест сближал их сильнее, чем все глубокомысленные беседы, которые они время от времени вели через микрофон, и все электронные письма, которыми они обменивались. На мгновение он заставлял их забыть, что между ними – непреодолимая прозрачная стена толщиной в полметра.

«Сколько же мы с ней знакомы? Почти пятнадцать лет уже!» – подсчитал Ханс, подмигивая своей напарнице в ответ.

Пятнадцать лет назад Хансу, только что получившему диплом астродиспетчера, предложили работу на одной из дальних пересадочных станций. Он согласился на это, о чем никогда впоследствии не жалел. На удаленных от Земли станциях постоянно бывали жители других планет, и общаться с ними было настолько интересно, что Ханс быстро смирился с отсутствием привычных земных развлечений. Тем более, что в первый же свой рабочий день он познакомился с Вьенной, вторым астродиспетчером, с которой они должны были работать в паре, подстраховывая друг друга в случае каких-нибудь трудностей. И с которой они могли общаться только через стекло.

Станция «Квазар-20» была совместной: половину ее занимали земляне, половину – жители четвертой планеты системы Спика с труднопроизносимым для людей названием и

совершенно не похожими на земные условиями жизни. Хансу было сложно, почти невозможно представить, что за прозрачной стеной его кабинета начинается царство неимоверно высокого давления и низкой температуры. И еще страшнее было думать о том, что если бы его напарница, так похожая внешне на жительницу Земли, оказалась рядом с ним, от нее в один миг не осталось бы ничего, кроме облачка метана и других газов. О том, что было бы с ним самим, попади он в ее часть кабинета, Ханс и вовсе старался не думать. Тем не менее, они с Вьенной неплохо сработались.

В те времена их станция была едва ли не самой удаленной от обитаемых звездных систем, так что работы у диспетчеров и остального персонала было немного. Но дежурить у пультов нужно было круглосуточно, а смена длилась девять часов, так что свободного времени на работе у Ханса было более, чем достаточно. А единственным существом, с которым он мог общаться во время дежурства, была его напарница.

– Вьенна! – позвал Ханс в торчащий у него перед носом крошечный микрофон. – А ты помнишь, как я в первый раз написал тебе записку «не по делу»?

– Помню, – металлический голос электронного переводчика не был способен передавать эмоции, но Ханс мог поспорить на что угодно, что сейчас в нем звучала чуть ехидная усмешка. – Тебе вдруг срочно понадобилось узнать, есть ли на моей планете растения.

– Точно-точно, сначала я про растения спросил, потом про животных, а потом про общественный строй! И пришлось тебе подробно мне все рассказывать, потому что изображения из Сети у нас тогда еще не скачивались.

– А что мне оставалось делать? Представитель дружественной цивилизации интересуется моей родиной – как тут можно не ответить? Да мне и самой хотелось расспросить тебя о Земле... Я так удивилась, когда ты мне рассказал про смену времен года!

– А я – когда узнал, что у вас почти всегда и везде одинаковая температура!

– Да уж, неплохой у нас тогда «культурный обмен» получился...

Когда он впервые почувствовал, что общение с Вьенной стало для него не просто интересным времяпрепровождением, а сильнейшей потребностью? Когда она в первый раз улетела к себе домой в отпуск и ее место занял другой спикианец, который тоже был интересным собеседником, но почти сразу начал раздражать Ханса своей излишней общительностью? Или когда в отпуск на Землю отправился он сам и едва не умер там от скуки? Так или иначе, но в следующий раз они с Вьенной договорились уйти на отдых одновременно – чтобы провести в разлуке в два раза меньше времени. И все последующие годы поступали так же.

А потом земляне открыли еще несколько необитаемых,

но подходящих для жизни планет и встретились еще с одной разумной цивилизацией, проживавшей на нескольких планетах звезды Альтаир, и работы на «Квазаре» заметно прибавилось. Сначала на станции останавливались, в основном, исследователи, затем колонисты, летевшие заселять новые миры, и, наконец, туристы, мечтающие на эти миры посмотреть. Частыми гостями там теперь были и альтаирцы, а также жители Спики. Сила тяжести на станции была такой же, как на Земле и гораздо более низкой, чем на родине спикианцев, и те быстро сообразили, что в таких условиях очень легко и приятно танцевать и устраивать разные подвижные игры. Так что Вьенна теперь нередко приходила на дежурство невыспавшейся и в красках описывала Хансу бурные праздники, которые устраивали ее соотечественники на своей половине «Квазара». Сам Ханс тоже в свободное время постоянно пропадал у кого-нибудь из гостей-землян, но мысли о том, что Вьенна веселится с кем-то из «своих», почему-то начали вызывать у него какое-то смутное беспокойство. Как раз тогда между их кабинетами установили громкую связь и электронный микропереводчик, и напарники смогли, наконец, поговорить друг с другом словами, а не по переписке.

– Вьенна, скажи...

– Ханс, я же все-таки работаю! У тебя что-то срочное?

– Нет. То есть да, очень срочное! Я хочу спросить... Ты ведь не сердись на меня за ту ссору?

– Какую еще ссору? Когда?

– Ну, когда ты рассказала, что у вас были танцы, и я обиделся... И сказал, что меня не интересует, с кем ты там у себя развлекаешься...

– Тьфу ты, Ханс, это же когда было! На ваш счет – почти десять лет назад. Неужели ты до сих пор не убедился, что я на тебя не сержусь?

– Да нет, я давно убедился, просто вдруг подумал...

Вьенна смотрела ему в глаза. Из-за сиреневого света в ее половине диспетчерской и затемненной стеклянной стены ее лицо казалось темно-серым. Оно не выражало эмоций, но Ханс точно знал – сейчас она смотрела на него точно так же, как и тогда, десять лет назад, после той его вспышки ревности, закончившейся признанием в любви. И чувствовала то же самое, что они оба испытывали в тот момент...

Тогда она поднесла микрофон совсем близко к лицу и заговорила, судя по едва заметному движению губ, очень тихо, словно боялась, что, несмотря на то, что связь у диспетчеров была автономной, их с Хансом могут подслушать. И он тоже, после первых же ее слов, сбавил громкость переводчика до минимума. Это был их первый разговор «шепотом».

– Ханс, я много изучала вашу культуру, – говорила Вьенна, – и очень удивилась, когда узнала, что у землян тоже существует такое понятие, как любовь. Оно совершенно не сочеталось со всеми остальными вашими особенностями. Не

потому, что вы хуже, разумеется! Просто... Я даже не знаю, как это объяснить, чтобы ты понял и чтобы эта глупая техника правильно меня перевела... В общем, сначала мне показалось странным, что вы тоже умеете любить, но потом я получше во всем разобралась и поняла, что вы любите не так, как мы... По-другому...

– Как по-другому? – зашептал в микрофон Ханс. – Объясни хоть что-нибудь, я действительно не понимаю!

Ему показалось, что Вьенна глубоко вздохнула, хотя в той густой, с невероятной силой напорающей на все вокруг атмосфере, в которой она жила, это было просто физически невозможно.

– Понимаешь, Ханс... Если землянин или землянка в кого-нибудь влюбляются, они непременно хотят все время быть рядом с этим человеком. Если они из-за чего-нибудь расстаются, для них это очень тяжело, и они стремятся вернуться друг к другу как можно скорее. А если вдруг, по каким-то причинам, влюбленные не могут быть вместе, это вообще страшная трагедия.

– А у вас разве не так? – замороченно пробормотал Ханс. – Вы что, не хотите быть рядом с любимыми?

– Хотим, но для нас это не самое главное, – тщательно подбирая слова, отозвалась спикианка. – Гораздо важнее, чтобы твой любимый был счастлив. Если ему хорошо с тобой – это прекрасно. Но если для него будет лучше жить отдельно от тебя с кем-нибудь другим, ты не имеешь права на-

стаивать. Ты понимаешь, о чем я сейчас говорю?

– Не совсем, – признался Ханс. – Разве можно знать наверняка, с кем твоей девушке будет лучше? Ну, или твоему парню, если мы о женщине говорим.

– Наверняка знать, конечно, нельзя, – согласилась с ним Вьенна. – Но в том-то все и дело, что вы, земляне, изначально уверены в том, что лучше всех вашим любимым будет именно с вами и ни с кем другим. У вас и мужчины, и женщины идут на самые разные уловки, чтобы привязать к себе любимого человека. И могут даже убить себя, если им это не удастся.

– Ну, это крайности, – попытался Ханс защитить влюбленных соотечественников. – Всякое, конечно, бывает...

– Ну а у нас такого не бывает никогда. Если твой любимый счастлив не с тобой, а с кем-то другим, если ему хорошо где-то в другом месте, за него надо радоваться.

– Но ведь тебе-то без него будет плохо!

– Мне будет хорошо от мыслей, что он счастлив. Почему я должна думать о себе больше, чем о том, кого люблю? Для нас любовь – это когда в первую очередь думаешь о любимом, а потом уже о себе.

– Так ведь для нас тоже!

– Вы это говорите на словах, но поступаете прямо противоположным образом.

– Да вовсе нет!

– Ну как же, Ханс? Вот ты сам – прекрасно знаешь, что мы

с тобой никогда не сможем потанцевать вдвоем, разве что в скафандрах. Но тебе, как я догадываюсь, очень бы этого хотелось. И ты злишься на меня за то, что я танцую с другими.

– Я не злюсь, мне просто...

– Тебе просто это неприятно, я понимаю. Но у меня все не так. Я бы тоже хотела побывать на вашей землянской вечеринке, но я не переживаю из-за того, что это невозможно. И, поверь мне, я очень рада, когда ты уходишь на встречу с землянами, и с женщинами в том числе. И когда улетаешь в отпуск, тоже. Потому что там тебе весело и интересно.

– Неужели ты совсем ни к кому меня не ревнуешь? – выпалил Ханс в микрофон и вдруг ошеломленно замолчал. До него стало медленно доходить, что только что сказала его напарница и что он сам у нее спросил. – Так ты что же... – заговорил он, вставая из-за стола и подходя к прозрачной стене. – Ты что, тоже меня любишь?

– Отвечаю на все вопросы по порядку, – подмигнула ему Вьенна, тоже вставая и приближаясь в разделяющей их преграде. – Не ревную. Люблю.

Тонкий сигнал вызова вернул диспетчера к действительности. Совместный землянско-альтаирский звездолет шел на аварийную посадку. Пальцы Ханса сами забежали по кнопкам, заставляя компьютер высчитывать оптимальное время и траекторию стыковки, в то время как второй диспетчер подробно выяснила связиста-альтаирца о состоя-

нии корабля и о его экипаже и пассажирах. Одновременно передавая все данные другим сотрудникам, чьей задачей было проверить, действительно ли такой звездолет с такими людьми и альтаирцами на борту направлялся указанным маршрутом. С тех пор, как пять лет назад на «Квазар» было совершено нападение, это стало обязательной предосторожностью.

Тогда неожиданно вынырнувший из суб-пространства звездолет тоже объявил о серьезных неисправностях и о пострадавших на борту. А после того, как Ханс и Вьенна, в несколько минут подготовив все для стыковки, дали ему разрешение, на «Квазаре» начался кошмар, не прекращавшийся двое суток...

Жителям одной из дальних колоний захотелось стать отдельным, независимым от Земли государством, властям на Земле это не понравилось, и переговоры с ними завершились войной на планете, где эта колония находилась. И как раз в это время на далекий «Квазар» прибыла группа каких-то важных персон с Земли, захватив которых, колонисты могли потребовать прекращения войны у себя на родине.

Так бывало много раз, и это еще не раз повторится – в этом Вьенна и Ханс не сомневались. Они только-только собрались передохнуть после авральной работы, когда в их кабинетах неожиданно погас свет и один из товарищей Ханса успел прокричать по громкой связи о захвате станции. По-

том пол слегка содрогнулся – где-то что-то взорвалось. На несколько секунд возникла невесомость, но вскоре тяжесть вернулась, и оба диспетчера оказались на полу возле прозрачной стены, где им предстояло провести следующие сроки часов своей жизни.

Время от времени они подходили каждый к своей двери и без особой надежды нажимали на кнопки аварийного выхода. Потом усаживались перед потухшими мониторами и пытались связаться хоть с кем-нибудь из находящихся на станции людей или инопланетян. Кроме Вьенны, на «Квазаре» работало пятеро спикианцев, а землян там должно было быть не меньше десятка, но о том, жив ли кто-нибудь из них, теперь можно было только догадываться. Так же, как и о том, успел ли кто-нибудь из захваченных послать сигнал о помощи и, если успел, будет ли этот сигнал получен вовремя. Никакая связь у диспетчеров не работала – за исключением их внутренних автономных микрофонов.

– Ты же знаешь, здесь все выходы блокируются автоматически, при любой аварии, – объяснила Хансу его напарница, услышав от него много непонятных слов в адрес запертых дверей. – Так больше вероятность, что те, кто остался в комнатах, выживут, если станция разгерметизируется.

– Да к черту эту вашу вероятность! наших соотечественников там сейчас убивают, а мы тут сидим! Почему за нами вообще никто не пришел?!

– Я не знаю. Про нас могли просто забыть. Или специаль-

но здесь оставить, чтобы не мешали.

– К черту!!!

– Ханс, я бы тоже сейчас все отдала, чтобы быть с моими друзьями.

– Неужели мы никак не можем отсюда выбраться?!

– Если бы это было возможно, я бы уже это сделала.

Почти все время Ханс просидел на полу, привалившись спиной к прозрачной перегородке и раз за разом оглядывая свой кабинет. Привычная мебель и другие предметы в слабом аварийном освещении выглядели как-то странно и загадочно. Он искал решение и все сильнее убеждался, что самостоятельно им с Вьенной из кабинетов не выйти.

Спикианка некоторое время возилась со своим дверным механизмом, но, в конце концов, тоже сдалась и устроилась у стеклянной стены за спиной Ханса, по-кошачьи свернувшись в клубок. Микрофон лежал на полу рядом с ее лицом.

– Ханс, – произнесла она медленно, – нам необходимо дождаться спасателей. Или хотя бы захватчиков – вполне возможно, что сразу они нас не убьют.

– А если не дождемся?

– Все может быть... – Но определенный шанс у нас все-таки есть.

Ханс не знал, сколько времени они сидели молча. Вьенна не двигалась, и ему казалось, что она спит. Но когда он встал, чтобы налить себе воды из кофеварки, она тоже зашевелилась и повернулась к нему, ободряюще подмигивая.

– Я тебе не говорил, – шепнул землянин в микрофон, – но мне уже два раза предлагали работу в Солнечной системе. Земля поближе, зарплата повыше, станции более современные...

– Жалеешь, что отказался? – Вьенну эта новость, похоже, ничуть не удивила.

– Наоборот, радуюсь! Если бы я отсюда улетел, ты была бы сейчас одна. Вернее, с каким-нибудь другим идиотом-напарником... Нет, ты даже не представляешь, как я рад, что остался работать с тобой!

– Представляю. Я тоже могла уйти с этой работы и вернуться домой. Я недавно получила большое наследство от дальнего родственника.

– И осталась здесь? А мне почему ничего не сказала? И почему не улетела к себе?

– Так ведь и ты мне ничего не говорил. И от должности тоже отказался.

– Ну, со мной-то все ясно, я землянин-собственник, который не может расстаться с любимой женщиной. А ты-то? Тебе же все равно, где я нахожусь, лишь бы я был счастлив, разве нет?

– Это верно. Но когда ты у меня на виду, я больше уверена в том, что у тебя все в порядке. А представь, сидела бы я сейчас дома и смотрела новости про захват станции. И не знала бы, что случилось с тобой, жив ты или нет...

Спикианцы не плачут – это одна из особенностей их ор-

ганизма. Ханс об этом знал, и поэтому, когда на его глазах выступили слезы, не стал этого стыдиться: «Будем считать, что я сейчас плачу за нее, а не за себя!»

Через сутки напарники доели все случайно оказавшиеся в их кабинетах лакомства и «чокнулись» через стекло стаканом с последним глотком воды и последним кристалликом льда. Спустя еще несколько часов Ханс почувствовал, что в кабинете стало трудно дышать, и, заглянув к Вьенне, увидел, что она снова озабоченно копается в большом механизме, стоящем у двери – Ханс не сразу вспомнил, что этот агрегат предназначен для поставки в их кабинеты кислорода и других нужных для дыхания газов.

– У тебя что, проблемы с воздухом? – крикнул он в микрофон.

Спикианка обернулась:

– Пока еще нет, но могут начаться. А у тебя?

– Нет-нет, у меня пока все в порядке. Ты скажи, что у тебя происходит? Только честно!

– А я тебе честно и говорю. У меня дыхательной смеси хватит на семь... то есть, по-вашему, примерно на двенадцать часов. Но я, кажется, смогу еще сильнее растянуть этот запас... Надо только уменьшить в смеси количество кислорода.

– Постой, а это не вредно?

– Не вреднее, чем то, что с нами сейчас происходит. Это вам для дыхания нужен только один газ, а мы дышим сра-

зу несколькими. И не везде их соотношение бывает одинаковым.

– Ты мне по-человечески... Тьфу, по-простому объясни, что с тобой от этого будет?

– Да ничего со мной не случится, просто дышать будет чуть менее приятно. Зато я смогу это делать почти в два раза дольше.

Ханс облегченно вздохнул и закашлялся – самому ему воздуха явно не хватало.

– Тогда ладно, – прохрипел он. – И вот что. Когда закончишь, давай опять сядем и постараемся вообще не двигаться.

– Естественно, я именно это и хотела тебе посоветовать.

И они опять долго, бесконечно долго сидели спиной к спине, вплотную друг к другу, если, конечно, не считать прочнейшей прозрачной стены между ними. Но ее можно было не считать, тем более, что в царившем в диспетчерских кабинетах полумраке она вообще казалась невидимой. И бывали моменты, когда Ханс был полностью уверен: никакой стены между ними не существует.

Он не знал, сколько еще прошло времени, но не сомневался, что очень много. По его подсчетам, кислород в помещении давно должен был закончиться. Но он там был, хотя и в таком мизерном количестве, что его приходилось словно бы «высасывать» из воздуха. Ханс прижал ладони к раскаляющейся от боли голове и осторожно обернулся. Мелькающие перед глазами точки не сразу дали ему увидеть, что

Вьенна уже не сидит возле стены, а лежит рядом с ней на боку в совершенно неудобной ни для человека, ни для спикианца позе. Некоторое время он тупо смотрел на нее, пытаясь понять, дышит его любимая или нет, а потом бросился судорожно нашаривать брошенный на пол микрофон.

– Вьенна! – позвал он негромко и едва не потерял сознание от сжавшей его грудь боли. – Вьенна, ответь мне! Пожалуйста!

Спикианка продолжала лежать, не подавая никаких признаков жизни. Далеко впереди, у противоположной стены ее кабинета мигал лампочками агрегат, нагнетающий в кабинеты диспетчеров воздух. Агрегат, в котором Вьенна что-то подкручивала. Сокращала процент кислорода в той густой газовой смеси, которая была ей нужна для дыхания. А почему именно кислорода, Ханс, круглый идиот, даже не подумал у нее спросить! И сам не догадался! Вернее, догадался, да только слишком поздно!

– Вьенна!!! – заорал он, перекрикивая стоящий в ушах гул и безжалостно молотя по стене кулаками. – Вьенна, не смей умирать! Я тебя люблю, слышишь?!

Он резко вскочил на ноги, продолжая биться в невидимую стену, но уже в следующее мгновение почувствовал, что падает в какую-то мягкую черную пустоту.

– Я люблю... – прохрипел он уже почти про себя, всеми силами пытаясь удержаться в сознании и одновременно понимая, что сделать этого не сможет.

Напарники устало откинулись на спинки стульев. Дело было сделано, поврежденный звездолет состыковался со станцией, и скоро летевшие на нем космонавты и пассажиры начнут размещаться в спешно подготовленных для них комнатах. А некоторые из них – в лазарете. К счастью, пробудут они там недолго: серьезно пострадавших на борту не было.

– Ну что, перекур? – спросил Ханс, выглядывая из-за монитора. Вьенна молча кивнула и направилась к маленькому столику – одной из немногих земных вещей в ее кабинете – стоявшему возле прозрачной стены. Его отполированная четырехугольная столешница резко выделялась на фоне всей остальной мебели, отличавшейся округлой, обтекаемой формой. Точно такой же столик находился с другой стороны, в кабинете Ханса, и казался зеркальным отражением первого. Разве что беспорядка на нем было больше, чем на спикианском.

– Еще одна авария, которая закончилась хорошо, – задумчиво произнесла Вьенна, разворачивая какой-то темный и несъедобный на вид кусок и с явным удовольствием впиваясь в него зубами.

Ханс налил себе кофе и поднес плотно закрытую крышечкой чашку к стеклу:

– За то, чтобы аварий было как можно меньше, а если все-таки будут, то чтобы заканчивались они так же, как

эта!

– Согласна! – Вьенна «чокнулась» с ним своим лакомством. – Ты пойдешь навестить землян, которые прилетели?

– Обязательно, только позже, вечером – пусть сперва устроятся на новом месте. Я и к альтаирцам зайду.

– Передавай всем от меня привет.

– Само собой, конечно, передам.

– И в лазарет зайди, скажи, что я всем желаю скорее выздороветь.

– Ну разумеется, зайду, могла бы мне об этом и не напоминать.

В лазарете он очнулся через несколько часов после прибытия на «Квазар» спасателей. Там он узнал, что они с Вьенной были единственными, кто остался в живых – большая часть станции была разрушена. И что поначалу его напарницу тоже посчитали мертвой, но кто-то из медиков-спикианцев все-таки попытался ее откачать и сам потом удивился, что ему это удалось. И что ее уже отправили лечиться домой, на далекий спутник звезды по имени Спика, а за самим Хансом скоро прибудет корабль с Земли.

После этого Ханс прожил на Земле целый год, путешествуя по санаториям и отбиваясь то от охотящихся за ним «любительниц героев», то от истеричек, обвинявших его в том, что во время захвата станции он «прятался за спиной у

лучших людей Земли». Он не пропускал ни одной новости о восстановлении «Квазара-20» и развил сумасшедшую деятельность по убеждению своего начальства в том, что он может вернуться на старую работу. С Вьенной они за это время обменялись всего несколькими письмами, в которых она уверяла Ханса, что тоже хочет вернуться на «Квазар» и делает для этого все от нее зависящее.

Тем не менее, он так и не смог до конца поверить, что они с Вьенной снова окажутся в тех же самых смежных кабинетах, разделенных толстым стеклом. Поверил он в это, только когда сам вошел на свою половину и увидел спикианку, наводившую порядок у себя на рабочем столе. И они долго стояли друг напротив друга по разные стороны от вечно разделяющей их преграды и молчали. Хотя нет, вначале Ханс, кажется, обрушил в микрофон целую кучу ругательств на нескольких земных языках, объясняя напарнице, почему она не должна была идти ради него на такой риск.

– Зря стараешься, – беспомощно развела руками Вьенна. – Я все равно не понимаю, о чем ты говоришь. Мой переводчик сообщает, что это «непереводимые выражения».

– Вьенна, можно тебя спросить...

– Ты сегодня весь день будешь меня от работы отвлекать?

– Только один вопрос – после той катастрофы, когда ты пришла в себя, ты сразу решила, что вернешься сюда рабо-

тать?

– У тебя сегодня что – вечер воспоминаний?

– Ага, что-то вроде этого.

– Ясно. Ну, строго говоря, я не знала, будет ли эта станция дальше работать. Так что решила, что буду искать работу рядом с тобой – а уж здесь или где-то в другом месте, это не важно.

– А если бы я остался на Земле?

– Ну что ж, значит, я нашла бы возможность узнавать, все ли у тебя хорошо.

– И совсем бы не расстроилась, что не можешь со мной видаться?

– Ну расстроилась бы, расстроилась, доволен? Ой, ну вот – из-за тебя опять до желтого уровня не дошла!

– Так вот какая у нас важная работа! Пока я тут думаю, она в «Радугу» режется! В рабочее время, между прочим!

– Так я, вообще-то, имею на это полное право. А вот у тебя еще отчет за последний месяц не готов, так что тебе думать в рабочее время пока не положено.

– Да я этот отчет уже почти дописал, сейчас закончу.

– Так его вроде бы еще вчера надо было сдать.

Это была правда, и оставшиеся до конца смены полтора часа Ханс провел, уткнувшись в монитор. Составление отчета продвигалось не так быстро, как ему хотелось, но он знал, что в любой момент может прервать работу и за-

глядеть сквозь стекло в соседний кабинет. И тогда Вьенна обязательно почувствует его взгляд и тоже оторвется от своего компьютера, чтобы ласково ему подмигнуть.